

Д. БУРЛЮК, Б. ЛИВШИЦ

Позорный столб российской критики

(Материал для истории русск<их> литературных нравов)

В 1910 году вышла книга «Садок Судей» (I) — в ней гениальный Виктор Хлебников встал во главе русской новой лит<ературы>. В этой книжке, напечатанной на обоях, впервые был указан новый путь поэтического творчества. Истекший 1913 год был историческим — участники (I) «Садка Судей», с присоединив<имися> к ним Влад. Маяковским, Б. Лившицем, А. Кручных выпустили книгу «Пощечина общественному вкусу», где принципы футуризма — обновительного течения в литературе были выявлены силой необычно-значительной. Несомненно: футуризм в России официально был учрежден этой книгой. Открыты новые дали, новые возможности. Принцип свободы поэтического творчества — заявлен гордо и непреклонно.

Русская пресса гордится своим свободолобием и прогрессивностью. Она, казалось бы, с радостью должна была бы встретить этот порыв молодой литературы к духовной свободе вне рабского преклонения пред авторитетами затхлыми и гнилыми. (Отрицание Корифеев прошлого, низвержение литературных «столбов» современности.) Да, конечно, должна бы...

Но... оглянемся на истекший 1913 г. Вот — «дела» тех, кто был поборником свободного развития духовных творческих сил. Пред нами груды газетных вырезок — ушаты помой, клевета — сатанинская злоба, нечистоплотность передержки. Номинсцус<у>сы, Чеботаревские, Левины, Яблоновские, Фриче, Таны, Бобровы, Измайловы, Войтоловские, Луначарские, Неведомские, Философовы и бесчисленные скрывшиеся под Н. С.; Э. Р.; П. А.; Senior и т. п. (неуловимы, как микробы) подняли свой голос против свободы художественного творчества. Завыли о ниспровержении литературн<ых> авторитетов — называя, к<a>к, на пр<имер>, прославленный Гр. Петров или Марк Криницкий,

новое искусство (все без изъятия)!! Хулиганством!! да Хулиганством... все самое свежее, молодое, доброе, чистое; о, позор!.. на головы такой критики...

И вот, чтобы не быть голословными, мы должны, считаем своим долгом привести куски ужасные, грубые этого лая из критического лагеря наших «друзей». Пусть эти отрывки сохранятся для будущего — ну хотя бы как материал для характеристики литературных врагов нашего века. Ведь где же даже теперь уже найти эти перлы — эти ценности ежедневных дующих негодных волюнок критического «сегодня»... В груди старых газет все исчезнет... Ругавший завтра будет пресмыкаться неуязвимым у ног уже признанного творчества. Мы считаем своим долгом заклеить — Российскую критику — «к позорному столбу»! русскую критику 1913 года.

Первые выступления футуризма были встречены с паническим животным страхом со стороны газетной и журнальной критики: чувствовали, что пришел конец мухам и тараканам; бегали и выли от ужаса: «вандалы»!.. «гунны», «все погибло»... — Затем стали искать выхода спасения и с течением времени животный страх как будто исчезает, уйдя вглубь, в подсознание, откуда окольными путями порывается к прежнему: к уничтожению нового явления, так неожиданно, так жестоко разрушившего недавний косный лад. Нужно убедить самого себя, что новое не страшно, эфемерно, не ново. Все это, мол, мы уже переживали не раз, а мир оставался и остается на прежнем месте. В этом процессе бессознательного обесценивания сходится не один десяток присяжных ценителей искусства.

У цирковых клоунов среди других есть заученный прием комизма. Клоун выходит с доской, устроенной наподобие мехов и издающей при ударе гулкий звук на весь цирк. Изловчившись, он замахивается на товарища и шлепает доской изо всей мочи по собственной благородной щеке. Паяц озадачен, раек гремит, звон оплеухи гудит под самым потолком. «Ах, какой я глупый осел!» — обижается на себя клоун, и давит клюкву на набеленной щеке.

Пощечиной по собственной физиономии прозвучала книжечка прозы и стихов молодых эксцентриков, — двух Бурлюков, Хлебникова и др., озаглавленная: «Пощечина общественному вкусу».

Серая бумага, в какую завертывают в мелочной лавке ваку и крупу, обложка из парусины цвета «вши, упавшей в обморок», заглавие, тиснутое грязной кирпичной краской, — все это, намеренно безвкусное, явно рассчитано на ошеломление читателя. Если уж после этого он не разинет рта, — очевидно, надо отказаться от всяких попыток его озадачить.

Что перед этим розовая бумага былых декадентов, слова без еров или изображения поэтов с крыльями демона. Теория «благого мата» здесь дове-

дена до предельной точки. Если теперь не заметят, — надо ложиться в гроб и умирать. Довольно метать бисер перед свиньями!

Мы хохотали недавно над выставкой «Союза молодежи», над этой смехотворной мазней кубических лиц, четырехугольных цветов и людей, точно свинченных из точеных стальных частей. В «Пощечине» дана словесная мотивировка этих диких новшеств.

Мечта этой молодой компании — «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого, проч., и проч. с парохода современности», стащить бумажные латы с Брюсова. Эта кучка поучает: «вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных бесчисленными Леонидами Андреевыми!»

Таков манифест нового искусства, подписанный именами: Д. Бурлюка, А. Крученых, В. Маяковского и В. Хлебникова. Долой Пушкина и да здравствуют Бурлюки!..

Воинственная горсточка идет на бой и нестерпимо стучит игрушечными сабельками. Она смертельно разобижена тем, что ее не замечают, что о ней молчат. Ни парусинная обложка, ни серая бумага, на которые возлагалась роль красного плаща, никого не приводят в бешенство. Никто не сердится, никто не возмущается. А они так надеялись!..

Какое несчастье опоздать, какая досада прийти в хвосте! Бурлюк и его компания запоздали не на день, не на месяц, а по меньшей мере на 15 лет. 15 лет назад у них были все шансы на успех.

Тогда точно так же на московскую улицу вышли первые декаденты и разложили по ней свои детские игрушки. И прохожие останавливались, озадаченные, и критики метали громы, и шутники писали пародии, и наивные люди, испугавшиеся за судьбу старого искусства, тревожно обсуждали опасность, скрещивали старые заржавленные мечи с жестяными сабельками проказников, певших фиолетовые руки.

Прошло много лет. Старое искусство стоит на своем месте. Из некоторых шутников вышли настоящие серьезные люди. Давно брошенные игрушки их покрылись пылью. И вот пришли недоноски и вытащили их снова и, надув щеки и пуская слюну, дуют в старые дудки и волюнки.

Вся книжка новых декадентов полна невероятными дикостями и намеренными вычурами. Это не какие-нибудь искания, а чистое дурачество. При всей готовности невозможно поверить в «непосредственность» этого идиотства и надо заподозрить его предвзятость. Вот, напр<имер>, «стихи» Маяковского:

Угрюмый дождь скосил глаза.

А за

Решеткой,

Четкой,

Железной мысли проводов

Перина.

И на

Нее легко встающих звезд оперлись

Ноги.

Но ги-

бель фонарей,

Царей
 В короне газа,
 Для глаза
 Сделала больней враждующий
 Букет бульварных проституток...

Велимир Хлебников вопрошает:

Кому сказатеньки,
 Как важно жила барынька
 Нет, не важная барыня,
 А так сказать лягушечка...

И надписывает это — «Опус № 14», а в «Опусе № 15» сюсюкает:

На острове Эзеле
 Мы вместе грезили.
 Я был на Камчатке,
 Ты теребила перчатки...

Хлебников помешан на производстве новых слов. Его рассказы полны «слезатыми слезинями», «миристеющими птицами», «умрутными голубями», «старикатыми далями», «взоровитыми чашами».

Бенедикт Лившиц самым делом сокрушает Пушкина и культивирует такой русский язык:

«Долгие о грусти ступает стрелой. Желудеют по канаусовым яблоням, в пепел оливковых запятых, узкие совы. Черным об опочивших поцелуев медом пусть восьмигранник, и коричневыми газетные астры. Но такие. Ах, милый поэт, здесь любятя не безвременьем, а к развееянным обладам. Это правда: я уже сказал. И еще более долгие, опепленные былым, гиацинтофоры декабря».

Вот синтаксис и этимология Бедлама! Недавно в научной книге о помешанных некто г. Вавулин привел многочисленные отрывки из «литературы» больных. Но куда же кудому до зайца! Там есть и смысл, — здесь, у декадентского вывертыша, намеренный подбор бессмыслицы!

А. Крученых насаждает такую поэзию, попутно уничтожая даже знаки препинания и прописные буквы:

Офицер сидит в поле
 с рыжею полей
 и надменный самовар
 выпускает пар
 и свистает
 рыбки хлещут
 у офицера
 глаза маслилки
 хищные манеры,
 губки малинки
 глазки серы
 у рыжей поли

брошка веером
хорошо быть в поле.

На ста двенадцати страницах несчастный наборщик набирал безнадежную, похожую на рассыпанный набор чепуху, вымученный бред претенциозно бездарных людей, одно прикосновение к которым, по-видимому, заражает бездарностью. «Идутные идут, могутные могут, смехутные смеются», — пишет Хлебников, и над ним смеются даже не смехутные.

Да, игра кончилась, огни погашены, погремушки сломаны и брошены. На могиле заштатного декадентства копошатся последние эпигоны, печальные рыцари ослиного хвоста, наполняют воздух запоздалой отрыжкой и только одни не сознают, что не строят на ней что-либо новое, а забывают в нее последний осиновый кол.

А. Измайлов

ЗАБАВНИКИ

На острове Эзеле
Мы вместе грезили.
Я был на Камчатке,
Ты теребила перчатки.
С вершины Алтая
Я сказал: «дорогая»!

Если вам не нравится это милое стихотворение Велимира Хлебникова, есть прекрасное описание «Утра» Владимира Маяковского:

Угрюмый дождь скосил глаза,
А за
Решеткой,
Четкой,
Железной мысли проводов
Перина.
И на
Нее легко встающих звезд оперлись
Ноги.

«Что за чепуха?» — скажете вы. «Какие такие Велимир и Владимир и в каком они желтом доме сочиняют?» Ничего подобного! Это просто веселые ребята, вздумавшие позабавить себя и посмеяться над другими, как двое из них, Бурлюки, уже достаточно нахохотались над любопытными, не только забредшими на выставку кубистов, но даже всерьез критиковавшими шутливую мазию «футуристов». Спешу, впрочем, извиниться перед двумя Бурлюками и гг. Кандинским и Крученых, выпустившими на днях целую книгу «футуристских» стихов и прозы. Я назвал их «веселыми ребятами», хотя, может быть, некоторым из них и перевалило за 50. Во всяком случае жизнерадостный характер их не покинул, и это настоящие весельчаки, независимо от их возраста и положения.

Когда вчера в маленьком кружке мы весело перелистывали их буффонду, мрачный социал-демократ, сохранивший способность смеяться лишь при проказах нашей дипломатии, очень сочувственно встретил строфу из стихов поэта А. Крученых:

Офицер сидит в поле
С рыжею Полей
И надменный самовар
Выпускает пар

Не желая уступить г. Крученых, другой весельчак угощает прозой:

«Долгие о грусти ступает стрелой. Желудеют по канаусовым ябло-
ням, в пепел оливковых запятых, узкие совы... И еще более долгие,
опешенные былым, гиацинтофоры декабря».

Хотя эти футуристские «гиацинтофоры декабря» сильно напоминают гоголевское «мартобря», я, увлеченный веселой книжкой, готов тоже пуститься в поэтический кубизм:

Плечами жми,
Но не прими
Двух Бур-
Люков
За дур-
Аков!
Иной напишет множество романов,
Но не набьет себе карманов,
И ничего
Не слышно про него, —
А тут
В минут-
У без труда
Получишь славу иногда.

И какую еще! Какой-нибудь критик, вроде г. Бенуа, наморщивши чело, станет разбирать веселую чепуху в стихах, или красках, искать затаенного смысла в тех коленцах, которые выкидывают мистификаторы-забавники, и метать в них громы и молнии. Но я от души приветствую и Бурлюков, и Дурлюков, и всех прочих футуристов, разыгрывающих эту веселую комедию.

Берендеев

ПОЭЗИЯ СВИХНУВШИХСЯ МОЗГОВ

«Стихи» некоего футуриста Маяковского:

Угрюмый дождь скосил глаза
А за
Решеткой,
Четкой,

Железной мысли проводов
 Перина.
 И на
 Нее, легко встающих звезд оперлись
 Ноги.
 Но гибель фонарей,
 Царей
 В короне газа,
 Для глаза
 Сделала больней враждующий
 Букет бульварных проституток...

Еще «перл». Из поэзии тоже «футуриста» Хлебникова. «Опус № 14»:

Кому сказатеньки,
 Как важно жила барынька
 Нет, не важная барыня,
 А так сказать лягушечка...

А вот проза «футуристов». Могсеау * из произведения русского писателя Лившица:

«Долгие о грусти ступает стрелой. Желудеют по канаусовым яблонам... узкие совы. Черным об опочивших поцелуев медом пусть восьмигранник, и коричневыми газетные астры. Но такие. Ах, милый поэт, здесь любятя не безвременьем, а к развеянным обладам. Это правда: я уже сказал. И еще более долгие, опеленные былым, гиацинтофоры декабря...»

Словом, читать можно, только хорошо покушавши.
 Но натошак принимать не советуем.

Друг

Желторотые мальчики издали в этом году два сборника: «Пощечина обществу вкусу» и «Союз молодежи» (3 выпуска), в котором они выявляют свое лицо, заявляя, что «только мы — лицо нашего времени».

Эти новаторы — типичные нигилисты. Все их стремление сводится не к тому, чтобы убедить читателя и зрителя в подлинности их переживаний и достижений, сколько в посрамлении в оскорблении этого зрителя в читателя.

Нигилисты прошлого старались одеваться возможно небрежнее и неяршлее, нигилисты настоящего, в лице авторов «Пощечины обществу вкусу» приложили все усилия к тому, чтобы возможно небрежнее и безграмотнее издать книгу... Упразднили знаки препинания и орфографию. Напечатали книгу на серой бумаге, завернули вместо переплета в холстину...

* Отрывок, кусок (фр.). — Ред.

Еще год, два и желторотых мальчиков забудут... Ведь и теперь мало кто посещал их выставку «Мишень», и они не продали ни одной картины, хотя М. Ларионов и создавал работы в духе изобретенной им теории «лучизма»...

Перестали удивляться... Головокружительные номера гг. Бурлюков, Крученых и К^с уже больше не удивляют... Публика давно поняла, что это не искания в искусстве, а искания популярности, жажда оригинальничанья и только... Но ведь это уже касается не области искусства, а области психологии...

Это фигляры, а не творцы новых ценностей, фигляры всегда помнящие, что они стоят перед толпой... Разница между ними лишь та, что фигляры забавляют публику, а гг. Бурлюки, Крученых и комп. дразнят ее...

Н. Лаврский

Анекдотическое невежество газетных борзописцев по необходимости приводит их к смешению футуризма с акмеизмом, акмеизма с символизмом и т. п. Но читательская публика требует сведений, хотя бы поверхностных, о новых течениях в искусстве, и лакеи ежедневной прессы, трагически беспомощные в этой области, в погоне за увядающим вниманием публики преподносят последней цитаты с отсебятинами в стиле извозчичьих ругательств (Эр), передержки (И. К.) или репортерски-добросовестные описания нашей наружности (Homunculus).

Итак, современная литературная нечисть, воспользовавшись тем, что ее наиболее достойных представителей своевременно не засадили в сумасшедший дом, ударила в сторону акмеизма.

Стих, стиль, язык, рифма и ритм, — все это в поэзии излишний балласт.

«Верхом искусства» являются, стало быть, шедевры Бурлюков, Хлебникова, Маяковского, Крученых.

Трепетва
Зарошь
Пеязь
Нежва
Новязь...

Это не бред буйного помешанного, как мы имели неосторожность полагать, — это: Акмеизм.

Оказывается, эта белиберда — глубочайшее по идее и замечательнейшее по форме стихотворение по сравнению с бредом какого-нибудь нынешнего Маяковского или ему подобного «акмеиста»:

Прыгнули первые кубы
В небе жирафий рисунок готов
Выпестришь ржавые чубы
Пестр как фо-

рель сы-
 Н,
 Су-
 Кин
 Сын
 Овня лю-
 бовь скрытая циф-
 ерблатами ба-
 шни шерсти клок
 Аст
 Лысый фонарь снимает
 С улицы синий чулок.

Позвольте же и мне превратиться, хотя бы только на сегодняшний день, в акмеиста.

Преподаю вам два собственных перла — в стихах и в прозе, — которые от избытка чувств посвящаю акмеистам-профессионалам.

А, о, у
 Ак-
 меист ду-
 Рак
 Его в су-
 маспешный дом
 всу-
 нуть надо
 Бурлюка потом
 В придачу
 На Канатчико-
 ву дачу.
 И знаете, что скажет свет:
 Другого, ведь, спасенья нет...

Теперь в прозе:

Варошь и Былязь с Желвой у плаквы и Лепетва вечарится на вышестроенных жирафиях первых кубов. Небытие здравых плюс мозги ржагоняет вывернуто минус разум от меня иди от на идиоте сидит и идиотом погоняет Помирву и Лепевва бессвязно кретина, тина, на, а всех лысых кретинов и с Бур плюс лю-плюсками, которые осходят черным паром, они, ногатые фокусники и наглые кивали на стол, а сена им не давали, дайте и овса и гоните на конюшню храмязей и нагледирей и я сижу и думаю пришло, шло, ло, о, много и тут-гзы-гзыгзео, а там-ляя, лея, луя, лоя и вся эта былязная Жриязь и нежвастая пакость спекулирует на Дебошь и еще другие зловонные пришли, а первые сюда-же, куда-же, зачем-же, всех их колючих и дымчатых скорее под кран с холодной водой»...

Милостивые государи, ради Бога, не делайте больших глаз.

Я только бесплатно предложил вашему вниманию то, что продается во всех «лучших книжных магазинах» под громким названием: «Пощечина общественному вкусу».

И ведь что бы вы думали. Все «первое издание» этой абракадабры уже оказывается распроданным.

Стало быть, Бурлюки, Маяковские и Хлебниковы нашли-таки своего потребителя, а это наводит на самые грустные размышления.

Эр

Переводя слово акмеизм (акм — слово греческое, и значит: высшая степень расцвета) на простой русский язык, можно будет сказать:

— Господа, бросьте символику. Пусть ею забавляются разного рода бурлюкающие футуристы или, как резко выразился в одной из своих статей Андрей Белый, разного рода «обозная сволочь». А мы вернемся к Пушкину. Ей-Богу, недурно писал Пушкин в свое время и напрасно мы о нем забыли.

И. К.

Это все те же — «футуристы», и «эгофутуристы», «ослинохвостисты» (по-новому «мишенисты») или уж не знаю, как там их еще, — которым серьезные люди посвящают целые статьи, перед «творчеством» которых вдумчиво останавливается Вал. Брюсов, диспуты, которых публика — в ожидании скандалов — посещает, книги которых — смеху ради — читает. А они-то пыжатыся, они-то кривляются! И едва ли не десяток книг этой бесталанной, но ловкой братии уже появился в издании одних только г.г. Кузьмина и Долинского.

У каждого своя специальность. Г. «Велимир» Хлебников больше сочиняет новые слова. Есть целый ряд «стихотворений», составленных исключительно из «новых слов». Вот одно из них (привожу текстуально, без малейших изменений):

Трепетва
дышва
помирва
прецва
желва
плаква
лепетва
нежва

Скажете: бред сумасшедшего? Ничего подобного: они, эти «футуристы», здоровехоньки, эти ими все нарочито придумало, чтобы «чуднее было».

Другой — «футурист» г. Вл. Маяковский специалист по другой части — по части противоестественного разделения слов.

Он пишет такие «стихи»:

У—
лица
лица

У
 Догов.
 Годов
 рез
 че
 Че—
 рез.

И перед таким беспардонным хулиганством останавливаются серьезные люди с серьезными минами...

Н. С.

ПЕРЕДУНЧИКИ

Чуть ли не до хрипоты кричат о себе эго-футуристы, нео-футуристы, специалисты, адамиты-акмеисты и пр.; они кувыркаются на все лады, до неприличия перед «почтеннейшею публикой», изошряются в изобретении нелепостей — одна другой грандиозней, — а читатель равнодушен, как стена. Никакими калачиками не заманишь его в пеструю и разухабистую футуристскую лавочку.

Многие ли знают такие, напр<имер>, альманахи и сборники, как «Стеклянные цепи», «Аллилуиа», «Оранжевая урна», «Дикая Порфира» «Гостинец сентиментам», «Камень», «Смерть искусству» и др.?

Нет сомнения, что все эти: Василиск Гнедов, Хлебников, Маяковский, Крученых, Широков, Бурлюк, Нарбут, Коневской, Мандельштам, Зенкевич остались бы совершенно неизвестными широкой читательской массе, если бы газеты от времени до времени не напоминали обществу о существовании в его среде этой беспокойной человеческой породы.

А не напоминать — невозможно, ибо невозможно пройти равнодушно мимо этих бесстыдных извращений, мимо этого насилия над чистым русским словом и над здравым смыслом.

Только недавно всю печать обошел торжественный и воинственный футуристский манифест, данный в лето 1913-ое в дачном поселке Усикирках.

Помимо беспощадного похода на «чистый» русский язык, на симметрическую логику, на «дешевых публичных художников и писателей», на театр, — футуристы на своем финляндском съезде объявили и активную театральную программу на предстоящий год. Они решили «всколыхнуть».

Крайне любопытно, как осуществляется это «колыхание» и какими средствами новаторы надеются завладеть общественным вниманием.

До сих пор они действовали «слово-творчеством»:

Дыр бул щыл.

Мы помним такие неувядаемые рифмы:

Петр Великий о
 Поехал в Мо-
 скву великий град
 Кушать виноград.

Мы слышим и теперь козы вдохновения:

Козой вы мной молочки
Даровали козяям луга
Луга-га!
Луга-га!

Но это уж не может тронуть. Хоть выйди на шаровую площадь и начни всенародно выть нечленораздельными звуками. Не удивятся: приобвыкли и всего ждут.

Это малоутешительное обстоятельство прекрасно учили и сами футуристы.

— Дальше нас идти нельзя, — говорили они.

А оказалось — лязя.

В последней поэме этой книги Василиск Гнедов ничем говорит:

«что и говорить! Передунчики показали, что, действительно, “стар былых творений план”. Патент на “последнее слово без слов” принадлежит по справедливости им».

Свое открытие они философски обосновывают:

«Пока мы коллективцы, общежители, — слово нам необходимо, когда же каждая особь преобразится в объединиченное “Это” — я, — слова отбросятся само собой».

СВОЯ СВОИХ НЕ ПОЗНАША

Трудно даже понять, как могла возгораться такая жестокая и кровопролитная война между родственными «союзничками». Но катятся ядра, свистят пули, — бой в разгаре... Передунчиков бьют беспощадно и без зазрения совести адамисты-акмеисты, предводительствуемые заслуженными полководцами — Сергеем Городецким и Н. Гумилевым.

Последний вонзает в них отравленную стрелу:

«Появились футуристы эгофутуристы и прочие гиены, всегда следующие за львом».

Но откуда этот великий гнев и эта бурная ненависть адамистов-акмеистов к футуристам? И из-за чего, собственно, спор?

Адамисты рекомендуют себя «вещелюбами» и «фетишистами». «После всяких неприятий — мир бесповоротно принят акмеизмом во всей совокупности красот и безобразий». Эгофутуристская «утерянная горнесть» слов им не нужна, ибо они всеми помыслами на грешной земле и хотят вернуть словам их смысл и значение. Стих — это «мрамор и бронза». Стих «надменный властительней, чем медь». Слова «должны гордиться своим весом» и подобно камням должны соединяться в здание.

И эта программа привела акмеистов к «Новому Адаму», Сергей Городецкий начертил следующий основной пункт программ:

Просторен мир и многозвучен,
И многоцветный радуг он,
И вот Адаму он поручен,
Изобретателю имен.

И во вновь обретенном рае адамистской поэзии появились Гумилевские львы, леопарды, слоны, гиппопотамы, обезьяны и попугаи...

Н. Гумилев провозглашает:

— Как адамисты, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению.

Но ведь в таком случае война с передунчиками — явное недоразумение. «Своя своих не познаша». Еще прославленный «гений» — Игорь Северянин в «Громокатающемся Кубке» яростно заявлял, что его душа «влечется в примитив» и что он «с первобытным не разлучен». Северянинская путешественница, если вы помните, вопила: «Задуйте меня, зацарапайте, предпочтенье отдам дикарю!» Изысканная героиня поэтического повествования «Юг на Север» питала непреодолимое влечение к тем краям, где «гибельно, тундрово и северно» и, если ей верить, собственноручно остановила оленя у эскимосской юрты, захохотала при этом «жемчужно» и «наводя на эскимоса свой лорнет». Даже вся эта северянинская сиятельная знать — виконты и виконтессы, жены градоначальников, гурманки, грезерки и «эксцессерки» отшвыривали прочь культуру и предпочитали ржаной хлеб...

Допустим, Игорь Северянин отряхнул теперь футуристский прах. Но ведь своих Зизи и Нелли он выводил из небытия, когда был правоверным футуристом. А разве правовернейший из правоверных футуристов В. Хлебников не дарит нас повестями даже из периода Каменного века, воскрешает дикарей и первобытные народы?

Ясное дело, что *casus belli** почти отсутствует в основных принципах. Разошлись и разветвились только в последующем пути. Футуристы ушли в «самовитость» и аэропланное «словотворчество», а адамисты-акмеисты начали ударять нас своими «тяжелыми словами», подобно камням, по голове иногда до бесчувствия.

«Новый Адам», по-видимому, даже краешком уха не слышал нежных звуков райских песен и молитв и гласа архангельской трубы. Он изрядно груб, пошл и неотесан. Его слова не только тяжелы весом, но и духом: от них «дух чижолый». Желание быть как можно ярче земными дает им основание проявлять необычайное усердие в отыскании реалистических тонов. И мы находим у них такие «райские напевности»: «рудая домовиха роется за пазухой, скребет чесалом жесткий волос: вошь бы вынуть»; у нарбутовского лесовика «от онуч сырых воняет». В рифмах воспеваются такие вечные моменты, запечатленные адамистской кистью: «ржаво-желтой, волокнистого, как сопли, сукровицево обтупасть, а он высмыкнется».

И те и другие — и футуристы и акмеисты — мечтают о будущем, себя преемниками родной литературы. И как будто совершенно не замечают, что на носу у них красная шишка, а на голове — клоунский колпак.

— Пускай изощряются, потешают себя и других кривляньями и выкрутасами. Смертельная-то ведь подчас скука, а зрелище все же занятное. А главное — безвредное. От футуризма и адамизма к русской литературе ничего скверного не пристанет. Придет время — и эти клоунские побрякушки будут выброшены в сорный ящик, как отслужившая, негодная ветошь.

И. Накатов

* основание для распри (лат.) — Ред.

Но не их произведения, а сами они очень милы и забавны. Когда подымается занавес, на эстраде сидят все они, вся их школа. Давид Бурлюк, молодой человек семинарского вида, сидит развалившись на стуле и разглядывает публику в лорнет. Лорнет — его специальность. Он и на снимках с лорнетом. Его брат, Николай Бурлюк, высокий студент в форменном сюртуке, совсем зеленый юноша. Он читает какой-то сокрушительный доклад чуть ли не об упразднении всего (всего)? — Да всего!), очень серьезен, но иногда, когда, когда публика хохочет особенно громко, он вдруг неожиданно улыбается. И видно, что и он не прочь бы посмеяться.

Великолепен гениальный поэт Алексей Крученых. Из густых, зачесанных à la Гоголь волос торчит длинный нос. Говорит он с сильным украинским акцентом, презирает публику невероятно и требует полной отмены знаков препинания.

— В Хранции, — говорит он, — литература уже...

— Как? — спрашивают его из публики.

— В Хранции, говорю я...

— В Хранции?

— Ну-да! Народ говорит «Хранция», и мне так нравится больше!

Ему так нравится, — что можно тут возразить? Вот одно из последних литературных его произведений:

«Шло много сильные ногатые чуть не сдавили Сижу в стороне тесно в сене безногий однорук и много шло и многие шли Качались палки шли кивали я плакал шли другие, а первые пришли пришли сюда куда и шли но уже бриже».

Но лучше всех Владимир Маяковский. Высокий юноша, очень красивый, в черной бархатной куртке. У него прекрасный, глубокий голос, и когда он декламирует невероятную чепуху гениального Хлебникова, выходит все-таки красиво. Ругает публику он последними словами, требует, чтобы ему свистали, ибо он испытывает «сладострастие свистков». Проповедует он «самовитое» слово, слово не как средство, а как цель. А вот его стихотворение:

У—

лица —

лица

У

Догов

Годов

Рез-

Че

Че-

Рез

Железных коней с окон бегущих домов

Прыгнули первые клубы

Лебеди шей колокольных гнитесь в силках проводов

В небе жирафий рисунок готов

Выпестрить ржавые чубы.

Поистине смехотворным становится зрелище, когда полубезграмотные газетчики, впадая в тон доброго папаши, пытаются обратить нас на путь истинный или разглагольствуют о художественном темпераменте.

Очень приятно отыскать в творении какого-нибудь Петра Зудотешина безграмотность и указать ее автору.

Удивительно радостно убеждать бездарного графомана в никчемности его бессмысленного труда.

Но иногда лишают критика и этих удовольствий!

Как критиковать автора, заранее оговорившего и безграмотность своей книги, и ее ничтожность?..

Перед глазами — странная книга:

«Садок судей. Часть 2-ая».

Сборник новых произведений модных ныне братьев Бурлюков и компании.

В предисловии читаем:

«Мы отрицаем правописание».

«Мы распатали синтаксис».

«Ненужность и бессмысленность воспеты нами».

«Мы новые люди новой жизни».

А содержание до того сумбурно, что приходится отказаться от мысли дать ему связную критическую оценку...

В заключение — вопрос.

Чего ради сочиняется все сие?

«Славу мы презираем», — говорится в предисловии.

О, если бы это было так!

Тогда никакой гармонии «Садок» не нарушил бы: слава тоже презирает его.

Вспоминаются иные времена.

Лет семь тому назад поэт Ив. Рукавишников так же «безумствовал», порождая пародии на себя...

А теперь Рукавишников печатает отменно старые романы в толстых журналах, куда он вошел с «громким» именем.

В свое время В. Брюсов писал лиловые опусы о бледных ногах...

А теперь Брюсов ведет беллетристический отдел в основательнейшей «Русской Мысли» положительнейшего П. Б. Струве.

И нынешние «новые люди...»

У Ник. Бурлюка были уже хорошие стихи.

...По равнинам и оврагам
Древней родины моей,
По невспаханым полям,
По шуршащим очеретам,
По ручьям и по болотам
Каждый вечер ходит кто-то
Утомленный и большой...

Талант здесь виден.

У Давида Бурлюка, сейчас поражающего Петербург нелепыми примитивными картинами, уже лет двенадцать тому назад, когда он еще находился в Симбирске, имелись настоящие картины...

Пройдет лет пять.

«Новаторы» появятся в солидных изданиях, где не расшатывают синтаксиса и не воспевают бессмыслицы...

Все хорошо, что хорошо кончается!

Читатель не будет удивлен новым именем: известность имени уже создана ведь крикливым кривляньем!

А критика?

Положение обязывает.

Она в один голос превознесет его, героя, ибо... надо же приветствовать возврат от нелепых новаторств на путь истинной литературы...

Критика — что публика: она не любит быть одураченной.

Она любит думать, что «перелом» в писателе совершился по ее настоянию...

Хорошо на время побыть новыми людьми.

Старая истина»!

Георгий Братов

«Бросить Пушкина, Толстого, Достоевского и пр. с Парохода Современности...»

«Парфюмерный блуд Бальмонта...» «Бумажные латы воина Брюсова...» «Грязная слизь книг Леонида Андреева...»

«Только мы — лицо нашего Времени...»

Кто же, однако, эти горделивые мы? Два Бурлюка, Лившиц, Крученых, Хлебников, Маяковский, Кандинский...

Чем нагрузили эти гении Пароход современности? Что дает им право с такою легкостью выбрасывать как мертвый груз своих великих соотечественников?

И вновь — излюбленные латы
Излучены в густой сапфир...

...Я долго буду помнить волчью
Дорогу, где блуждала ты...

Полны нежных и лучистых образов певучие стихи Б. Лившица... но, ах, разве это не стихи Александра Блока?

Д. Д. Бурлюк — разве не имеет предшественников... Зачем имена? *Enfant terrible*'м * «пощечников» (в каждой группе ведь должен быть таковой в роли квасной «изюминки») является А. Крученых. По-видимому — насколько можно судить по его произведениям — это молодой поэт, претендующий на роль «крайнего левого» везде, где бы он ни появился. А. Круче-

* Ужасный ребенок (фр.). — *Ред.*

ных — бесспорно плодovit, энергичен, неистощим в изобретении различных междометий и образовании из них нового волапука. Вопрос только в том — талантлив ли г. Крученных настолько, чтобы его талантливость испукала все его — скажем прямо — озорство»?

Анастасия Чеботаревская

Но что же создали эти господа, чем наполнили они свой сборник?
Вот поэзия В. Хлебникова:

Бобеоби пелись губы
Вээоми пелись взоры
Пиэео пелись брови
Лизээй пелся облик
Гзи-гэи-гээо пелась цепь...

Далее идет такого же рода бессмыслица, озаглавленная «Конь Пржевальского».

Почему этот дикий набор называется «Конь Пржевальского», В. Хлебников, вероятно, и сам не знает.

А вот образец поэтического творчества А. Крученных:

№ восемь удивленный
камень сонный
начал глазами вертеть
и размахивать руками
и как плеть
извилась перед нами салфетка.

В. Кандинский дал четыре маленьких рассказа. Приводим несколько первых строк из «рассказа» «Видеть».

«Синее, Синее поднималось, поднималось и падало. Острое, Тонкое свистело, ввонзалось, но не протыкало. По всем концам грохнуло. Толстокоричневое повисло будто на все времена. Будто. Будто».

Такой дикой бессмыслицей, бредом больных горячкой людей или сумасшедших напоминает весь сборник.

Кто они, авторы сборника?

Искренни ли они?

Д. Бурлюк учится в московской школе живописи и зодчества, где работает так, как требует этого школа. На ученических выставках он выставляет пейзажи, которые бесконечно далеки не только от кубизма, но и всякого новаторства.

И этот же господин одновременно на других выставках выставляет картины в духе самого крайнего кубизма.

Где же искренность и последовательность у этих «новаторов»?

Бурлюк и К° не мальчишки... Это господа, которым перевалило за тридцать лет. Их кривляние не результаты юношеских увлечений. Это господа, которые во что бы то ни стало хотят известности, хотя бы и путем скандала.

Всякое течение в искусстве и литературе интересно, но при одном условии: оно должно быть искренним проявлением художественного темперамента.

Творчество братьев и К^о есть ничто иное, как сознательное шарлатанство. Оно стоит вне критики, вне общественного мнения, вот почему их «пощечина общественному мнению» не оскорбительна. И краснеть за эту пощечину придется не обществу, а им, художникам и поэтам, если в них, конечно, проснется стыд за содеянное.

Ведь они нанесли ее искусству.

Н. Лаврский

Рекорд наглости побивается господами, подающими свой критический лепет под острым, но недоброкачественным соусом общественности. Как только инстинкт самосохранения — если не понимание реального соотношения сил — не подсказывает им, что перенесение вопроса в плоскость общественных построений и обобщений — рискованнейшая для либеральничавших газетчиков затея, неизбежно приводящая к обнаружению их темной общественной физиономии?

«Пощечина общественному вкусу» — под этим заглавием выпустили в свет книгу поклонники и последователи Давида Бурлюка. Все в этой книге, напечатанной на оберточной бумаге, все сделано шиворот-навыворот, и на первой странице напечатано стихотворение:

Бобэоби пелись губы
 Вээоми пелись взоры
 Пиээо пелись брови
 Лизээй пелся облик
 Гзи-гзи-гзэо пелась цепь
 Так на холсте каких-то соответствий
 Вне протяжений жило лицо.

Общественный вкус требует смысла в словах. Бей его по морде бессмыслицей! Общественный вкус требует знаков препинания. Надо его, значит, ударить отсутствием знаков препинания. Очень просто. Шиворот-навыворот, вот и все.

Скоро ли начнет Бурлюк издавать журнал литературный, политический и общественный? Называться он будет «Пощечина», и в художественном отделе будут напечатаны стихи Владимира Маяковского:

Клюющий смех из желтых ядовитых роз,
 Возрос
 Зигзагом.
 За гом
 И жуть
 Взглянуть.

А в отделе политическом будет напечатано просто:

«Екатеринослав, 8/III. Пресловутый исправник Неровня назначен представителем министерства внутренних дел в училищный совет славяно-сербского уезда».

Князь Мещерский — защитник административного произвола. Чем это не кубизм?.. Если у Д. Бурлюка нет средств на собственный литературно-политический журнал, не откроет ли художественный отдел в «Гражданине» князь Мещерский? Пощечина общественному вкусу их объединит, старого, и молодого, посвятивших жизнь свою тому, чтобы делать все «наоборот».

Homunculus

Они громко, нахально, не стесняясь, говорят об этом и свое нахальство называют «пощечиной общественному вкусу».

Союзниками Бурлюков в живописи являются Крученые в литературе. Они — тоже футуристы.

Крученые отставили от литературы великих русских писателей. Для них бессмысленный набор слов и даже не слов, а звуков — идеал поэзии.

Извольте, например:

Дыр — бул — щыл
убешщур
скум
вы — со — бу
р — л — эз

Это — стихотворение поэта-футуриста А. Крученых.

А вот стихотворение другого поэта — В. Хлебникова:

Бобэоби пелись губы
Вээоми пелись взоры
Циззо пелись брови
Лиэээй пелся облик
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь...

Лавры футуристов не давали покоя депутату князю Святополк-Мирскому.

Наплевать! Бурлюки восторгаются детской мазней и глумятся над картинами Репина. Крученые превозносят набор бессмысленных звуков и ставят его выше стихов Пушкина, прозы Толстого и Достоевского. Так почему же я, князь Святополк-Мирский, не могу восторгаться крепостным правом и глумиться над великими реформами? И я могу лягнуть, могу дать пощечину общественному вкусу. И вот я воспользовался кафедрой Государственной Думы, чтобы громко заявить об этом.

Аркадий Счастливцев

Вопрос, поднятый Номо Novus'ом в фельетоне «Об озорстве», представляет, на мой взгляд, выдающийся интерес. Хулиганство, как известный

вид социальной и политической беспардонности, пропитало собою в настоящее время все элементы общества. Оно воцарилось в умах и в душах людей. Оно хозяйничает на окраинах и в гостиных, в литературе, в искусстве и в самой жизни. Не только в горле хулигана в опорках или в ультрафиолетовых книжках бурлюков «клокочет гнусное сквернословие», — с профессорской кафедры, с думской трибуны, отовсюду, даже с церковного амвона звучат голоса озорников. Торжествуя, гримасничая и издеваясь, хулиганство изо дня в день цинично заливают своими грязными волнами помятую русскую действительность.

По существу это так. Характеристика, данная Номо Novus'ом, обнимает собою все разряды хулиганства, все категории издевательства, всех почетных и действительных хулиганов — от мрачного субъекта на Обводном канале, пускающего вам вдогонку трехэтажное ругательство, до жизнерадостных ухачей и бурлюков, спокойно раздающих пощечины общественному вкусу. Между мелким издевательством квартального, плевком бурлюка и трехэтажным ругательством патентованного хулигана, действительно, имеется глубокая родственная связь.

И если одно сословие выдвигает Хвостовых и Пуришкевичей, то другое — служит питомником бурлюков, мелко издевающихся исправников, гнусно хихикающих педагогов и т. д. Своеволие, необузданность и жестокость — вот материал, из которого слагается физиономия хулиганства. Тупость, уныние и общественная апатия — вот та духовная атмосфера, из которой родится хулиганщина».

Войтоловский

...Все грады и веси матушки России переполнены «свинофилами». Подлинные свинофилы проводят свои «идеи» в реальную жизнь. Сколько их, под личиной «свидетелей», прошло в киевском процессе! «Свинофилы» литературные — вносят обывательское свинство в печатное слово, превращая его в непечатное. Это не анархизм, потому что в анархизме есть своя, жестокая логика. Это именно «свинофильство».

И спасибо К. И. Чуковскому. Он проделал очень необходимую и своевременную работу. С присущей ему добродушной ядовитостью он вдребезги разбил стеклянную «висел» (стиль Крученых!) или стеклянные «панделюки» (стиль Северянина) футуристов, разбил не походя, а как настоящий, опытный разрушитель бриллиантов Тэта и московской селянки. Он мужественно исполнил роль ассенизатора, увлек публику своей «шампанской» речью, за что и был вознагражден «громом аплодисментов».

Д. Философов

В нашей экзегезе был бы существенный пробел, не упомяни мы о начинающем приобретать в русской критике права гражданства своеобразном к нам подходе — вернее, подходе к нашему карману. Ибо что иное представляют собою статейки г.г. Заикиных, Бобровых и К-о?

Верить в то, что они проповедуют, конечно, нельзя. Если отрицать всякую красоту, то как же мириться с заботой о своей наружности, как мириться с милым девичьим лицом?

А как заботятся футуристы о своей наружности, как проникнуты они желанием нравиться. Каким видимым успехом пользуются среди них молодые и красивые футуристки.

Балаганят. Балаганят не без пользы. Вечер в Троицком театре принес им тысячи две! По нынешним ценам на литературный труд — гонорар очень высокий!

Футуризм заразителен. Он пышно расцветает. Никакого таланта ведь не требуется, чтобы создать поэму по-футуристическому. Охотников стать знаменитостью хоть пруд пруди. Футуризм открывает им широкую деятельность.

И. Заикин

Когда стихи Игоря Северянина подняли шум в обществе, когда о словотворчестве заговорили всюду, и им начали пытаться заниматься даже вовсе презренные бездарности, вроде Рославлева, начали появляться в необыкновенно большом количестве литографированные книжонки московских футуристов. Сперва в красивом исполнении Гончаровой и Ларионова, а потом сделанные кем попало. Они неоригинальны, это первый грех. Но это еще не так горько для них, ибо они, что несомненно, находятся за пределами всякого искусства. Говорить о них как о стихотворцах нет возможности. Маяковский и Хлебников дают иногда вещи, которые можно читать, но тогда они всегда в совершенном разногласии с выставленными ими принципами. Стихотворение Хлебникова в брошюре «Бух лесинный» крепко и красиво, но оно неоригинально, его мог бы написать и Блок. В брошюре Маяковского «Я» последнее стихотворение, действительно, совсем приятно, но большое влияние Анненского налицо. И там нет никаких «заумных» языков. Этим специально занимается г. Крученых, этот великолепный писарь в экстазе. Бурлюки занимаются саморекламиранием, тем, что называется французами *le fumisme* * и подражанием чему угодно и кому угодно. Футуристические стихи Гуро под явным влиянием Игоря Северянина. О том, что делается в сборниках «Союза Молодежи», где теоретизируют гг. Марков, Спадииков, Розанова, как-то даже неловко говорить. Весь этот «футуризм», все это «будетлянское баяченье» простой коммерческий гешефт. [И Маяковский с Хлебниковым, которые имеют возможность сделаться действительными поэтами, здесь совершенно случайно.] И настолько ясны эти коммерческие устремления, что их заметил даже ежемесячный ремингтон «Современника», г. Львов-Рогачевский.

...Что можно сказать о произведении Бурлюка во 2-м «Садке Судей», над которым красуется надпись «инструментовано на “с”», когда там «с» чуть ли не самая редкая буква! или когда сей, подражая Корбьеру, пишет некоторые слова большими буквами и называет их «лейт-словами» уж со-

* мистификация, шарлатанство (фр.). — *Ред.*

всем ни с того, ни с сего... Положим, что обычный способ г. Бурлюка: стащить какой-либо термин и прицепить его к собственным шедеврам.

С. Бобров

Можно ли вступать в какие-либо дискуссии с господами Бобровыми, заранее поставляющими себя вне субъективных условий вменяемости публичным заявлением, что у них (эгофутуристов) «развороченные черепа», и эпитафией к своим писаниям избирающим четверостишие:

Душа, причудов полная,
Перевороты делает:
На белом ищет черное,
А в черном видит белое?

Как жаль, что не вся наша критика обладает столь завидным мужеством!

